

РЕЦЕНЗИИ

И.А. Беляева

Московский городской педагогический университет (Россия)

ПО СЛЕДАМ ЮБИЛЕЯ И.А. ГОНЧАРОВА.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «Гончаров: живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова // Bibliotheca Slavica Savariensis. Т. XIII (Szombathely, 2013. 532 с.)»

В начале XXI века культурное сообщество вошло в эпоху 200-летних юбилеев тех, кого принято называть «великими писателями земли Русской». Состоялись торжества в честь А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, И.А. Гончарова. Связанные с этими торжествами мероприятия культурного и научного плана, без сомнения, оказались важны и насущно необходимы, поскольку дали объективный повод определить степень приближения современного читателя к вершинам русской художественной мысли. В целом юбилейная дата как катализатор культурной памяти и импульс к дальнейшему приобщению и постижению русской классики — чрезвычайно актуальное и душеполезное событие.

200-летие со дня рождения И.А. Гончарова отмечалось в июне 2012 года. В России прошли крупные торжества на родине писателя, состоялись научные конференции в Москве, Санкт-Петербурге и Ульяновске. В Европе о Гончарове вспомнили ученые далекого венгерского города Самботхей, где 14 сентября 2012 года прошла международная научная конференция «Романы Гончарова в литературе XIX–XX вв.», которая очно и заочно объединила специалистов по русской литературе не только из разных научных центров Венгрии, но и из России, Германии, Сербии, Словакии, Франции, Хорватии. Итогом конференции стал сборник научных статей «Гончаров: живая перспектива прозы», который увидел свет в рамках периодического издания «Bibliotheca Slavica Savariensis». Значение этого объемного труда сложно переоценить, поскольку он, несомненно, способствует популяризации творчества Гончарова как на Западе,

так и в России, хотя мы убеждены, что в нашей стране эта книга станет сразу же библиографической редкостью. Нельзя не отметить уникальность этого издания и самой венгерской конференции, посвященной русскому писателю. К сожалению, внимание к творчеству Гончарова со стороны западной славистики гораздо скромнее, чем, например, к наследию Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого, которых весь мир изучает с завидной тщательностью и регулярностью, если судить по научным симпозиумам, семинарам и книгам в их честь. Хотя Гончаров — не только величайший романист мирового масштаба, но и художник слова, уловивший в русском национальном характере самое сокровенное, едва ли не точнее и тоньше, чем это удалось сделать упомянутым выше, признанным национальным гениям. Думается, что рецензируемая книга должна и может стать катализатором всеобщего интереса к творчеству Гончарова. Смеем надеяться, что она побудит и нас самих более ответственно и трепетно относиться к наследию нашего национального гения, поскольку юбилейные торжества и связанные с ними научные мероприятия в России прошли, но далеко не везде им был подведен должный итог в виде соответствующей печатной продукции. Светлым исключением является форум в Ульяновске и ряд изданий, увидевших свет в Санкт-Петербурге. В этой связи хотелось бы поблагодарить наших венгерских коллег, и прежде всего Ангелику Молнар, чьими трудами во многом и состоялась настоящая книга — они показали нынешним соотечественникам Гончарова пример профессиональный и человеческий.

Название книги — «Гончаров: живая перспектива прозы» — подчеркивает желание ее редакторов и составителей сосредоточить свое внимание на разных аспектах прозаического наследия писателя, хотя большая часть статей посвящена романному тексту в широком смысле слова, что совершенно естественно, если учитывать доминирующие жанровые смыслоформы у Гончарова. Удачна и собственно научная метафора «живая перспектива прозы», которая положена в основу заглавия. Она органична художественному миру русского писателя и точно выражает актуальность

нынешнего профессионального интереса к нему. Структура книги логична и оправданна. Открывает ее раздел «Единство произведений И.А. Гончарова», который посвящен общим вопросам содержательности и поэтики прозы писателя. Два следующих — «“Обломов”: поэзия любви и поэтика романа» и «“Обломов”: текст романа в культуре и мире читателя» — самые объемные и закономерно соотнесенные с центральным романом Гончарова. Во всяком случае, именно так «Обломов» воспринимается большей частью читателей и в своем отечестве, и за рубежом. Между тем сам писатель едва ли не важнейшим своим творением считал «Обрыв», которому, к слову сказать, в венгерском сборнике также отведен отдельный раздел, правда, менее фундаментальный, чем в случае с «Обломовым». Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что заключительный роман Гончарова еще ждет своего исследователя. Отрадно, что уникальный текст «Фрегата “Паллады”» заслужил отдельного разговора и несколько статей посвящены особенностям повествования/наррации и «кросс-культурной проблематике» этой уникальной книги. Ряд интереснейших материалов, касающихся текстологической стороны некоторых произведений Гончарова («Необыкновенная история»), работы известного французского слависта А. Мазона над книгой о русском писателе (по материалам рукописного отдела Пушкинского Дома) и др., опубликованы в разделе «Филологические сообщения о наследии Гончарова». Словом, в книге обозначены важные для современной науки о творчестве Гончарова проблемные поля, выявлены центры исследовательского признания, внимания и перспективы.

В книге опубликовано 50 научных статей и сообщений. Описать их все и высказать свое отношение к каждой проблеме, в них затронутой, невозможно даже в самой развернутой рецензии. Позволим себе остановиться на самых, по нашему мнению, значимых научных текстах, не отрицая при этом ценности тех публикаций, что мы обойдем молчанием — вовсе не потому, что они плохи. Однако нельзя не отметить, что некоторые, немногочисленные, статьи сборника специалистам могут показаться неровными и профессионально уязвимыми.

«Слово о И.А. Гончарове» В.А. Недзвецкого служит, прежде всего благодаря своему жанровому определению, монументальным вступлением к этой юбилейной Гончаровской книге, а также обозначает основные вехи в науке о писателе и намечает грядущие исследовательские перспективы. К ним стоит прислушаться будущим интерпретаторам Гончарова. Называя его «самым загадочным писателем-классиком» (с. 10), автор «Слова...» вовсе не преувеличивает, поскольку восприятие Гончарова его современниками и потомками хотя и было во все времена в читательском плане открытым, но при этом на него налагались сложные стереотипы и схемы, диктуемые идейно-политическими задачами той или иной эпохи. «Многолетняя заниженность творческих заслуг Гончарова, — как справедливо сетует В.А. Недзвецкий, — поддерживалась и устойчивым, но совершенно неверным определением самой природы <...> художественного дарования» писателя (с. 12). Были времена, когда Гончарова «обвиняли» в интересе к «несложным» психологическим задачам, описательности, простоте событий и характеров, не желая видеть в его романах «онтологического углубления быта» (с. 13), тонких размышлений о жизнеспособности «разных национальных культур и ментальностей», постановки «общероссийских» и «всечеловеческих» вопросов, в том числе благодаря «ряду мифологических и литературно-архетипных параллелей и обертонов» (с. 16). Справедливости ради заметим, что широкая парадигма подобных переключек и сцеплений, заявленная в настоящем «Слове...», подробно рассматривается В.А. Недзвецким в его последних фундаментальных работах о Гончарове, однако в контексте данной юбилейной книги звучит как важнейшая в современной науке о писателе исследовательская стратегия.

Емко и точно сказано В.А. Недзвецким и о культурно-историческом значении гончаровской концепции Эроса, которая долгие годы несправедливо умалялась: история отношений любви есть история духовно-нравственной культуры человечества. Все это звучит как напутствие будущим исследователям Гончарова, которые не должны забывать о коренном, важнейшем при изучении наследия великого русского романиста.

Гончаров как аналитик литературы рассмотрен М.Б. Лоскутниковой в одноименной статье, где систематизированы известные и малоизвестные высказывания писателя об основных категориях искусства слова. Речь идет в том числе о проблеме объективности в искусстве как о важнейшем законе творчества, который, по мысли Гончарова, осуществим лишь тогда, когда писатель беспристрастен («sine ira»). В этой связи автор статьи логично разрешает, казалось бы, существующее противоречие в художественном сознании самого Гончарова, когда писатель, будучи сторонником «правдивости изображения», не исключал для себя отступлений от реализма. Просто «правда жизни» и «правда в искусстве» — вещи, хотя и близкие и взаимозависимые, в том числе для самого Гончарова, но тем не менее разные, что не отрицает не только писательской фантазии, но и укорененности или «наследственного сродства» созданных им образов с общемировыми типами. Гончаров, сознавая себя реалистом в системе координат своего времени, подспудно чувствовал, что творческие силы большого художника всегда шире общих правил и принципов любого литературного направления и не укладываются в отведенные для него рамки, которые вполне подходят для добротной, но не великой литературы.

Автором статьи убедительно показано, что Гончаров был сторонником пластической образности в искусстве слова и в немалой степени предсказал в своих литературно-критических статьях теорию двух линий (пластической и аналитической) в классическом стиле русской литературы. Четко систематизирован М.Б. Лоскутниковой и ценнейший материал, который касается воззрений Гончарова на специфику романа. Его метафора романа как «здания» вполне коррелирует с современными представлениями об архетиктонике романного текста, о телеологии стиля. В целом справедлив и актуален для современной науки вывод исследователя: «мировая и русская романистика, находящаяся в центре внимания Гончарова, вызвала у писателя поток размышлений о законах творчества — о структурно-композиционной организации художественного целого, о мотивной интертекстуаль-

ности, о той телеологии стилевой и стилистической работы, которая позволяет создать “здание романа”» (с. 37). Однако остается сожалеть о том, что М.Б. Лоскутниковой не удалось обратиться к иным аспектам литературной аналитики Гончарова — возможно, по причине ограниченного объема статьи. Например, это касается отношения писателя к иронии и разным оттенкам ее функциональности. Ведь в арсенале автора статьи есть работы о гончаровской иронии, но скорее как о доминирующей художественной модальности в романах писателя. Потому было бы интересно и даже в высшей степени полезно рассмотреть воззрения Гончарова на природу иронии и травестирования в целом, тем более что следующая статья юбилейного сборника посвящена «“Пафосу середины”»: иронии и автоиронии у Гончарова».

Ее автор, А.Г. Гродецкая, собрав основательную (хотя и не исчерпывающую на момент публикации) историю вопроса, что всегда исключительно ценно, не без основания предлагает разделять не свойственную Гончарову «пародийность» и органичную для его стиля «пародичность» (с. 43). Справедливо делая акцент на иронии как ключевой форме реализации комического у Гончарова, исследователь, к сожалению, минует иные возможности и смыслы иронии, которые связаны с другими модусами художественности, вплоть до трагического (об этом как раз замечательно написано у М.Б. Лоскутниковой). Трудно согласиться и с размышлениями А.Г. Гродецкой о «диффузности» стиля и жанра у Гончарова. «Константы» последнего якобы «размываются» иронией (с. 46). Однако необходимо признать, что актуализировавшийся в последние годы разговор об иронии у Гончарова свидетельствует о той исследовательской стратегии, которая может предполагать разные тактико-методологические реализации.

В целом статьи первого блока юбилейного сборника, посвященные общим вопросам поэтики и содержательности произведений Гончарова, намечают или продолжают важнейшие направления в изучении наследия писателя. Очевидно, что аспекты — «Петербургского текста в романах И.А. Гончарова» (В.А. Доманский), «Пейзажа в художественном мире И.А. Гончарова»

(В.Г. Кочетова), «Внутреннего и внешнего: О “движении чувства” у Гончарова» (Л.В. Карасев), а также концептосферы творчества (Г.Л. Черюкина), встроенности в «гипертекст русского классического романа XIX века» (С.А. Кибальник) и др. — имеют разную степень изученности, но, несомненно, актуальны для современного научного размышления о наследии Гончарова.

Статьи следующих двух блоков, что посвящены роману «Обломов», сосредоточены в той или иной степени вокруг «поэзии любви», на разных гранях поэтики, читательской рецепции и интерпретации самой известной книги Гончарова. Смысловая палитра художественной философии любви автора «Обломова» раскрывается в целом ряде статей, значительно дополняющих существующий научный дискурс.

Статья «“Живое согласие” (Смысловый масштаб симпатии в романе “Обломов”»)» принадлежит известному русисту Апарду Ковачу. Ученый предлагает рассмотреть проблемное поле любви/человеческой симпатии «в регистре поэтического языка» (с. 126). Это оказывается чрезвычайно важным и продуктивным, ведь «дискурс любви» в романе можно выделить в отношении каждого значимого персонажа/повествователя, который осмысляет как свои, так и чужие чувства в процессе языковой деятельности. В романе существуют разные «интерпретаторы» и разные интерпретации смысла любви, а потому свои поэтические знаки чувства, своя «метафорика симпатии» (с. 139). «Эстетически маркированной фигурой», транслирующей страсть как одну из граней любви, оказывается в романе «присутствие женщины» (с. 127). А для Обломова «словом любви» (но не «словом о любви»!) будет даже знаменитый халат (с. 140–141). «Манифестацией смысла любви» (с. 155) и разных пониманий любви могут быть голос, сон, лень, хрустальная душа как хрусталь/хрусталик глаза (!)/хрустящий обломок. При таком подходе проблема, словно бутон, начинает раскрываться, и в ней вдруг обнаруживаются многочисленные лепестки смыслов-образов-деталей, что, возможно, сам Гончаров предпочитал бы именовать «перлами поэзии». Единственная опасность, которая может поджидать исследовате-

ля на этом пути, — мозаичность и потеря связи между разными элементами общей картины. Однако концепции, предложенной Апардом Ковачем, нельзя отказать в *красоте* и стройности, а это многое прощает.

Вопрос о «“Вечно женском” как жизненной и творческой теме Гончарова» стал предметом рассмотрения в работе В.А. Котельникова. Небезосновательно настаивая на разделении явлений «вечно женского» и Вечной Женственности, автор статьи ставит все же слишком непреодолимую границу между ними. И если считать, что культ Вечной Женственности «сложился еще у Данте» (с. 160), то именно у Данте в преддверии и предчувствии Возрождения идеальные начала нашли свою телесную форму, обрели плоть и кровь. И шли рука об руку, порождая «неразбериху» и желание их разделить и разъять. Так, во многом, восприняла это единство и русская литература XIX столетия. Были, конечно, исключения, как, например, Н.В. Гоголь, для которого трагически невозможно было в художественной реальности соединить несоединимое и потому изобразить портрет идеальной красавицы, то есть воплотить красоту мира в образе земной женщины. Гончаров в своем художественном творчестве, думается, нашел ту норму, что гармонически сочетала «духовно-телесные токи любви» (В.С. Соловьев). Однако «вечно женское» у автора «Обломова» столь многогранно и «объемлет» в том числе мужское начало (с. 161), что само по себе заслуживает отдельного разговора. Все это стало предметом тонкого аналитического прочтения в рецензируемой статье В.А. Котельникова. Работа в высшей степени интересна и малодоступным эпистолярным материалом, комментирующим «сюжет жизни» самого Гончарова. Этот сюжет, как справедливо констатирует автор статьи, писатель не стал завершать так, как он был завершен в романе (с. 176), то есть в «охватывающем» плену Агафьи Матвеевны Пшеницыной Гончаров не оказался.

Развивают проблемную линию гончаровской «поэзии любви» В.И. Холкин в статье «“Кристаллизация” любви как нарушение порядков жизни (Андрей Штольц, Ольга Ильинская, Илья Об-

ломов)», которая скорее представляет собой свободное эссе-размышление, и исследование Эстер Рёриг «Нарративные модусы любви в одном из отрывков романа И.А. Гончарова “Обломов”», предлагающее взглянуть на проблему через «нарратологический» объектив. В его фокусе оказывается «микроанализ сегмента текста» (с. 184), а именно эпизод исполнения Ольгой Ильинской знаменитой арии *Casta diva*, который позволяет исследователю сосредоточить свое внимание на «наррации начальных моментов любви» (с. 192). К преимуществам такого подхода стоит отнести пристальное внимание к ткани текста, к недостаткам — потере стройности и натяжения нитей в этой ткани. Но в любом случае, в своей системе координат настоящий опыт вполне полезен и позволяет действительно услышать в романе то, как зарождается чувство.

Среди, казалось бы, разнородных аспектов поэтики, что поднимают в юбилейном сборнике авторы статей — ученые, критики и переводчики из Венгрии, Германии, России, Сербии, — выделяется интерес к ономастике («Система наименований главных и второстепенных персонажей в романе И.А. Гончарова “Обломов” Милы Двинятиной), а также к символам, мотивам, образным концептам и модусам, имеющим непосредственное отношение к проблемам национальной идентичности и всечеловечности романа «Обломов» («Квас как символ русской жизни в романе И.А. Гончарова “Обломов”» С.А. Васильевой; «“Нарушение воли” (К функции алкогольных мотивов в романе “Обломов”» С.А. Ларина; «“Какое безобразие этот столичный шум!” Топосы “тишина”, “покой”, “шум” в романе “Обломов” и потребность в “идеальной тишине” И.А. Гончарова» Веры Бишицки; «Природное пространство — Идиллия? (По роману И.А. Гончарова “Обломов”» Марианн Папперт; «Хоббиты и обломовцы как разновидности персонажей идиллического хронотопа» А.В. Склизковой). И если о квасе в жизни обломовцев писали, пишут и будут писать, что совершенно правильно, поскольку этот напиток обладает слишком сильной позицией в тексте, он запоминается и нередко вызывает необычайный интерес иностранного читате-

ля (не все знают, как в реальности выглядит настоящий хлебный квас и каков он на вкус), то мотивный корпус, связанный со всем хмельным, алкогольным и пьяным, едва ли не впервые столь пристально заинтересовал исследователей.

Нам показали любопытными и в целом аккуратными наблюдения С.А. Ларина над текстом «Обломова», где действительно много говорится о вине, смородиновой водке и ее приготовлении, хмеле, горьком пьянстве и винокурении и возможных пагубных следствиях всего этого в виде падения в бездну, в прямом и в переносном значении этого слова. Однако, несмотря на то, что автором статьи убедительно показано, как «основные мотивы, имеющие “алкогольную” семантику, в “центральной” романе Гончарова оказываются связаны с образом Обломова» (с. 228), признать главной причиной смерти героя его пристрастие к алкоголю (даже пусть и в широком смысле как зависимости от Пшеницыной), невозможно: эстетическая природа романа этому противится. Гончаров действительно немало пишет о «хмельном» состоянии Обломова, но делает это так аккуратно и ненавязчиво, что у читателя не возникает желания провести прямую и непосредственную связь между смородиновой водкой, страстью к Агафье Матвеевне и тихим безвольным умиранием. Согласимся, что алкогольная, даже более того, наркотическая семантика («наркотические» запахи источали съестные запасы Пшеницыной) важна для сюжетной линии Обломов — Агафья Матвеевна, но это скорее метафорический ряд ее поэтики, а метафора — скрытое сравнение. Другое дело, что сила зависимости Обломова от мира Пшеницыной такова, что именно сравнима, по принципу подобия, с пьяным дурманом, но не равна ему. То есть тут нужно быть очень осторожными в выводах и оценках, чтобы научная интерпретация гончаровского текста не переходила в область читательского своеволия, которая делает из Обломова горького пьяницу.

Статья Веры Бишицки о «тишине» интересна в первую очередь тем тончайшим чувствованием нюансов слова, которое отличает блистательного переводчика «Обломова». Убедительны представленные в статье параллели гончаровского эпистолярия и

романного текста в плане частотности таких слов, как «тишина», «покой», «мир» и т. п. Трогательны изыскания краеведческого характера, как в случае с современным названием отеля «Пацифик» в Мариенбаде. Во всем сквозит удивительная преданность переводчика-исследователя тому, чье слово ему доверено переложить на другой язык. У Веры Бишицки есть в этом сборнике и другая статья «Вместе с Обломовым в 21-й век (О восприятии нового перевода “Обломова” в Германии и других немецкоязычных странах)», в которой будет рассказано не столько о трудностях перевода, как это можно было бы ожидать, сколько о личной истории приближения к «Обломову» и вживания в его словесную ткань. Удивительно, но когда в нашей стране некоторые ученые мужи ведут разговоры о том, что русская классика, в том числе и Гончаров, не очень понятны и потому не очень нужны современному читателю, особенно молодому, в немецкоязычных странах, как показывает Вера Бишицки, ее новый перевод «Обломова» пользуется ошеломляющей популярностью, выходя на первые позиции в рейтингах книжных новинок. Наверное, это не случайно, и нам, соотечественникам автора «Обломова», стоит над этим задуматься, прежде чем очищать школьную программу по литературе от классики и облегчать головы школьников от художественных открытий, которыми восхищается остальной мир.

Наблюдения Веры Бишицки над «тишиной», которая у Гончарова была «синонимом вечности» (с. 236), корреспондируют со статьей Марианн Папперт, посвященной идиллическому модусу, где речь идет о «природных мотивах внешнего мира», о поиске Обломовым идиллии во внешнем пространстве и о художественных знаках и «атрибутах» природного мира. Она, в свою очередь, пересекается с работой Павле Павлович о парадигмах образов и метафор, имеющих отношение к пространству в «Обломове», — это пространство земли, исчезновения и отсутствия, бездны и др. В работах наших зарубежных коллег, которые вошли в юбилейный Гончаровский сборник, привлекает особое отношение к слову-детали / образу / мотиву и его подчас мерцающим смыслам. Не все трактовки можно принять и не со всем согла-

ситься, но иногда они позволяют посмотреть на текст «другими» глазами и услышать то, что скрыто от носителя языка или кажется ему очевидным.

Иногда невозможно далекими, но чрезвычайно любопытными и смелыми представляются параллели «Обломова» с иными художественными мирами, культурами, традициями, как, например, в статье нашей юной соотечественницы А.В. Склизковой, где идиллическое пространство романа Гончарова сопоставляется с жизнью хоббитов, сочиненных Дж. Толкиным. Во всяком случае, мировым почитателям последнего не мешало бы знать о его русском коллеге, в творчестве которого миф не менее значим, а идиллия еще более загадочна и сложна.

Бытие «Обломова» в большом времени культуры и разные грани восприятия этого романа поднимаются в статьях, посвященных вопросам компаративистики, интермедиальности, рецепции и интерпретации, включая собственно проблему переводов романа на иностранные языки — в данном случае венгерский (Мария Янкович, Эржбет Ч. Йонаш), немецкий (Вера Бишицки, Река Бартфаи) и отчасти английский (Мартина Штембергер, Янош Шелмеци).

Русская и французская традиции, причем разного исторического времени, оказываются созвучными друг другу благодаря интертекстуальным импульсам как самого центрального персонажа «Обломова», так и его экзистенциального качества — лени. В статье Мартины Штембергер «Обломов в Париже: Метаморфозы персонажа во французской литературе 1920-х годов» главный герой романа Гончарова рассматривается как «персонаж глобального интертекста», который, однако, настолько подвергся «(гипер)-русификации», что сам стал литературным архетипом уже для французского «антигероя межвоенного времени» в романах Эмманюэля Бова и Андре Беклера (с. 262–263). В исследовании О.Б. Кафановой «Иван Гончаров и Эжен Сю: вариации на тему лени» роман «Обломов» рассмотрен как отклик на книгу французского писателя «Семь смертных грехов». Ленъ как пятый грех и пятая часть романа Эжена Сю, по мысли автора статьи,

не могла не стать одним из импульсов для размышлений Гончарова, тем более что русский писатель не миновал влияния своего французского предшественника. Таким образом, получается, что французская культура начала XIX века, влияя на русскую литературу с ее «всеотзывчивостью», через столетие словно вернулась к себе самой — через русского литературного героя Обломова.

Присутствие гончаровского интертекста в творчестве А.П. Чехова привлекло внимание двух исследователей — из России (Н.О. Кононова — «Гончаровские аллюзии в “Драме на охоте” Чехова») и из Венгрии (Ч. Йонаш Эржбет — «Параллелизмы реплик Обломова и Иванова у И.А. Гончарова и А.П. Чехова (Проблемы речевого взаимодействия в коммуникации)»).

Опытом восприятия «Обломова» в свете культурно-исторического контекста представленной в романе эпохи и живых реалий русской жизни поделился Душан Теллингер из Словакии («“Обломов” и “Фрегат „Паллада”” на фоне творчества И.А. Гончарова»). Автор статьи акцентирует внимание на сложности, которая возникает при рецепции гончаровского текста читателем другой культуры, и на разных переводческих стратегиях в этой связи. В помощь тут может прийти кинематограф как один из способов переложения романного текста на язык другого искусства. О кинематографической интерпретации «Обломова» (фильм Н.С. Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова») в плане передачи «телесных элементов» — например, тактильности в таких сферах, как материнство, отцовство, любовь, дружба, братство, — написано Ясминой Войлович. Об экранном воплощении образа русского немца Штольца и в целом о межкультурной коммуникации речь идет в работе М.Э. Шараповой. А о рецепции книги Гончарова в немецкоязычных странах — в основательной статье Реки Бартфай.

Две статьи посвящены восприятию «Обломова» в англо-американской критике. Ю.Г. Бабичева ставит проблему методологически, что совершенно справедливо. Исследователь выделяет области преимущественного интереса иностранных ученых к Гончарову-художнику на примере малодоступного в России

сборника критических статей, вышедшего в США в 1998 году под редакцией Гали Димент (Goncharov's «Oblomov»: A Critical Companion / Ed. by G. Diment. Evanston: Northwestern UP, 1998. 194 p.). Здесь особый приоритет имеют психоаналитические наблюдения, во фрейдистском ключе, и «мифокритический» подход. Однако автор статьи не только аргументированно оценивает достижения или упущения американских коллег, но и дает советы, как им лучше поступать в дальнейшем. Думается, что это излишне. Здесь важен сам интерес к Гончарову, который, как отмечает Янош Шелмеци в своем аналитическом анализе истории восприятия романа «Обломов» в американской критике, в последнее время только усиливается.

По сравнению с «Обломовым» роману «Обрыв» и книге «Фрегат “Паллада”» в Гончаровском сборнике посвящено меньшее количество статей. Это свидетельствует об исследовательских приоритетах в гончароведении, но также о необходимости постановки новых задач и несомненном интересе в будущем к этим двум значимым для самого Гончарова художественным трудам.

Драматической истории восприятия романа «Обрыв» в прижизненной отечественной критике посвящена статья С.Н. Гуськова «О некоторых мотивах критики “Обрыва”». В ней скрупулезно выявлены основные нюансы полемики вокруг романа, которая, как справедливо замечает автор статьи, имела впоследствии «негативную инерцию» (с. 403), почему «Обрыв» и стал восприниматься как самый слабый и неудачный роман Гончарова, вопреки авторским ожиданиям и объективной данности.

В фокусе особого внимания исследователей «Обрыва» оказался художник Райский, его «ненаписанный роман» и «игра в страсть». Истоки «образа художника» у Гончарова автор статьи «Из комментария к роману “Обрыв”: Художник Райский» Н.В. Калинина видит в «эстетической утопии романтизма» (с. 412), от которой писатель тем не менее постепенно отходит.

В статьях Г.Г. Багаутдиновой «“Ненаписанный роман” Бориса Райского: опыт реконструкции (“Обрыв” И.А. Гончарова)» и Ангелики Молнар «Игра в страсть в романе И.А. Гончарова “Об-

рыв» рассматриваются пути развертывания цитаты в тексте Гончарова. Речь идет об эпитафе из Г. Гейне в переводе А.К. Толстого к неосуществленному роману Райского под названием «Вера». Анализируя разные коннотации темы творчества, которая заявлена в стихотворении Гейне, в переводах А.Н. Майкова, А.А. Григорьева и А.К. Толстого, автор первой названной статьи, думается, не совсем удачно полемизирует с Л.С. Гейро по вопросу о причинах включения в роман именно толстовского переложения Гейне. Проводя непреодолимые границы между романом, который пишет Райский, и романом, что создает Гончаров, Г.Г. Багаутдинова не склонна, вслед за Л.С. Гейро, видеть в эпитафе «общечеловеческие проблемы и страсти» (с. 420). Это, думается, не в последнюю очередь приводит автора статьи, к странному, с нашей точки зрения, выводу о восприятии Райским романа как «зеркального отражения действительности» (с. 421), а эпитафа как всего лишь «знака духовного взросления Райского» (с. 424).

Гораздо продуктивнее подход к прочтению эпитафа, который предложила Ангелика Молнар. Не соглашаясь с исследователем в некоторых интерпретациях и суждениях, к примеру, по поводу донжуанизма как игры в страсть (в России всё в этом плане было сложнее!), присоединимся к выводам о пробуждении Райского в любви и в творчестве через страсть/страдание. Исключительно ценно, что исследователь обращает внимание на катарсические грани страсти. А само стихотворение Гейне, с которого начинается и которым заканчивается недописанный роман Райского, рассматривается Ангеликой Молнар как эквивалент «жизни и смерти, начала и конца творения», как единый для автора, его героя и, позволим себе дополнить коллегу, читателя «процесс созидания» (с. 435).

Е.В. Рипинская предлагает свое видение мотивной структуры романа «Обрыв» в одноименной статье с подзаголовком: «символическая интеграция vs семантическая дифференциация». В целом мотивный анализ представляется нам продуктивным для осмысления содержательности художественной формы романов Гончарова. А намеченное в статье изучение «элементов

мотива» как «характеристик, входящих в его содержание», с радостью приветствуем. Например, «элементом мотива *статуи*» являются «*белизна; неподвижность* и непроницаемость *оболочки/внешней формы*; невозмутимая, равнодушная, бесстрастная красота» (с. 442), что позволяет учитывать сложный семантический спектр мотива. Однако нам трудно принять предложенную автором статьи и размещенную в приложении схему мотивной организации романа, которая скорее запутывает, чем проясняет проблему.

Отдельные мотивы рассматриваются в парадигматике русской литературы в статьях Наталии Няголовой «Деформация скульптуры в творчестве И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова» и И.О. Маршаловой «Мотивы бестиальных масок в романах “Обрыв” И.А. Гончарова и “Москва” А. Белого».

Экзистенциальные смыслы скуки раскрывает М.В. Отрадин в статье «Между “созерцанием” и “действием”: повествование в книге И.А. Гончарова “Фрегат „Паллада”». Изображение скуки как замены естественности, органичности и творческого начала жизни «чуть ли не в масштабах всего мира», по мнению ученого, входило в задачи Гончарова, но именно для того, чтобы «начать ее преодоление» (с. 476). Проблема соотношения «документальной достоверности» и художественной условности интересовала А.Ю. Балакина в статье с неудобно тяжеловесным названием: «“Избегал фактической стороны...” (Еще о проблеме документальной достоверности книги И.А. Гончарова “Фрегат „Паллада”»». Исследователь поднимает в ней интересный вопрос о необходимости прочтения политико-дипломатического пласта книги, который скрывается за гончаровскими «фигурами умолчания» (с. 486).

Отрадно, что наши европейские коллеги обратили внимание на «Фрегат “Палладу”» как на источник для кросс-культурных исследований. Диалог культур, опыт открытого для впечатлений путешественника и приобретение им в своем движении по иным культурам и цивилизациям жизненной перспективы, которую он уже не может не учитывать,

сотворяя свою собственную жизнь, стал предметом интереса в статьях Марьяны Няголовой «Кросс-культурная проблема в произведении И.А. Гончарова “Фрегат „Паллада“ и Анны Троян “Южный Крест или небольшие четыре звезды?” (Несколько замечаний к “Фрегату „Палладе“ И.А. Гончарова)”».

Юбилейный сборник получился достойным, основательным, под стать весомости юбилейной цифры, и многообещающим.